

НУЖНА ЛИ СОЦИОЛОГУ ИСТОРИЯ ЕГО НАУКИ

На первый взгляд, постановка проблемы представляется абсурдной: может ли нормально работающий в науке, в частности, в социологии человек отрицать необходимость изучения и знания ее истории? Вопрос, казалось бы, риторический. И все же не будем торопиться с очевидным и понятным, на первый взгляд, ответом.

В самой постановке проблемы выражено стремление сформулировать отношение к прошлому социологии, другими словами, к истокам и классикам социологической науки. Есть две принципиальные позиции в этом вопросе. Одна ведет начало от идеи английского философа Альфреда Уайтхеда, который в 1917 г. утверждал: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена» [1. Р.115]. Из этого следует, применительно к социологии, что постоянное обращение к ее классикам, стремление не забыть Конта, Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера и других, активно использовать их идеи сегодня обрекает эту науку на гибель.

Вторая позиция противоположна по своему отношению к истории социологии и – коротко – сводится к необходимости постоянного к ней внимания и ее изучения. Разумеется, имеются и промежуточные точки зрения, одни из которых ближе к первой, другие – ко второй позиции. Но на них, в силу ограниченности научной задачи, мы здесь останавливаться не будем.

Обратим внимание на то, что положение Уайтхеда было сформулировано на рубеже двух этапов в развитии социологии – классического и современного, когда еще не только были живы, но и активно работали Дюркгейм, Зиммель, Вебер, Тённис. Разумеется, оно не имело прямого отношения к социологии. Но Уайтхед был слишком крупной

фигурой в философской науке, чтобы его суждения оказались незамеченными.

На новом этапе развития социологии, связанном уже с появлением эмпирической социологии, перед ее представителями возник вопрос: как относиться к максиме Уайтхеда? Один из ответов на него недвусмысленно продемонстрировал Парсонс, когда построил свою классическую работу «Структура социального действия» (1937) на комбинации идей Дюркгейма, Вебера, Парето. Этим самым социологической науке было показано публичное отношение к ее истории – глубоко уважительное и базирующееся на понимании важности использования ее прошлых достижений.

Авторитет Парсонса в последующем оказался настолько велик, что среди крупных социологов-теоретиков ни у кого не появлялось сомнения в необходимости изучать и применять идеи классиков. Такое отношение к истории социологии и ее основоположникам имело место вплоть до появления социологического постмодернизма, который, как известно, характеризовался негативной реакцией на прошлые достижения социологической науки, на ее классиков. В целом же теоретическая социология сохранила, вплоть до настоящего времени, позитивный настрой относительно классического наследия, особенно когда речь заходит об идеях Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера.

Но социология – не только наука в ее, так сказать, теоретической ипостаси. Есть еще и практическая деятельность социолога, и эмпирические социологические исследования, и социологическое образование (как минимум, на уровне бакалавриата). В этих же сферах социологической деятельности положение дел несколько иное. У людей, включенных в них, нет непосредственной потребности в глубоком знании истории социологии. Но как тогда учить будущих социологов? Насколько фундаментально знакомить их с прежними достижениями социологической науки? Как вообще формировать социологическое мышление? На какое знание опираться?

Именно в названных выше сферах деятельности социологов и стали возникать призывы отказаться от изучения классиков, призывы, которые до сих пор находят значительную поддержку среди целого ряда социологов, включая и преподавателей университетов, и их студентов. Американский социолог Дэвид Паркер в статье «Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s» (примерный перевод – «Зачем нам заморачиваться с Дюркгеймом? Изучая социологию в 1990-е»), ссылаясь на мнение своих студентов, заявляет, что тексты классиков социологии сегодня мало актуальны, что они сложно написаны и трудно читаемы вследствие незнания особенностей времени и места их появления и т.д. [2. Р.122-146]. Представляется, что если бы мы сегодня попытались выявить мнения наших студентов относительно изучения классиков социологии, то получили бы примерно такие же ответы. (Но вообще интересно было бы провести исследование среди студентов-социологов на эту тему). Значит ли это, что классиков не нужно изучать?

Вернемся к приведенной выше своеобразной максиме Уайтхеда. По существу за ней скрывается мысль о том, что науке не следует все время повторять как заклинание ранее открытые знания. В суждении английского философа нашла свое отражение также мысль о том, что наука не должна воспроизводить старое знание, не должна его повторять, ее задача – создавать новое знание и тем самым двигаться вперед. Это, безусловно, верно в том плане, что наука является, прежде всего, творчеством и означает рождение нового знания. Поэтому в приведенной выше цитате есть зерно истины.

Но не менее верно и противоположное суждение (высказанное в полемике с А.Уайтхедом), которое представляется необходимым здесь привести и которое мы полностью разделяем. Оно принадлежит А.Б.Гофману, известному отечественному историку социологии: «... наука, забывшая своих основателей, также обречена на гибель. Вот почему она

нуждается в собственной истории, которая является своего рода биографией, коллективной памятью науки» [3. С.17].

Очевидно, что в приведенном высказывании – суть второй позиции, которая противостоит сформулированной выше точке зрения. Мы исходим именно из этой позиции, и прежде всего потому, что она позволяет рассматривать преемственность социологии и перспективы ее развития с учетом прошлых достижений.

Но дело даже не в этом, или не только в этом. Что нужно знать (изучать) в истории социологии и как это делать – вот, с нашей точки зрения, вопросы, на которые следует ответить в первую очередь. А следующие за ними вопросы, логически вытекающие из предыдущих, – кому и для чего нужна история социологии. Ответы на поставленные вопросы не просты, поскольку требуют дифференцированного подхода к разным группам людей, занятым в сферах социологической науки и практики или просто изучавшим (изучающим) социологию.

Начнем с первого вопроса. К истории социологии можно относиться по-разному: считать ее разделом (частью) социологической науки в целом, знание которого необходимо для тех, кто ее изучает; рассматривать ее освоение как элемент социологического мышления и социологической культуры; видеть в ней предмет собственной профессиональной деятельности (спрос на которую, к сожалению, резко упал в последние годы). Известный древнеримский теоретик ораторского искусства Квинтилиан говорил: «Не знать, что было до того, как ты родился, значит оставаться всю жизнь ребенком». Перефразируя Квинтилиана, мы могли бы утверждать: не знать историю социологии – значит оставаться в этой науке всю жизнь ребенком, не стать по-настоящему зрелым, профессиональным социологом.

Но нам представляется, что овладение знанием истории социологии не должно быть в подавляющем большинстве случаев самоцелью. Так же как «*Historia est magistra vitae*» (в переводе с латыни – история есть учитель жизни), история социологии тоже выступает учителем жизни (может быть,

даже еще большим, чем просто история, учитывая специфику предмета и функций социологии). Это означает на практике, что знание ее должно способствовать осмыслению проблем, имеющих значение в современном обществе. Мы зачастую недооцениваем вклад наших великих предшественников-социологов в осмысление многих жизненно важных вопросов, волнующих сегодня все общество. Нередко вообще выступаем «Иванами, не помнящими родства».

Возьмем лишь один пример из близкой нам всем области – образования. Более 70 лет назад известный немецкий социолог К.Манхейм создал очень емкую и многообразную концепцию образования, в которой нашлось место не только школьному (общему), но и профессиональному, в том числе социологическому образованию и которая до сих пор мало и плохо известна и социологам, и педагогам. Между тем, он одним из первых сформулировал и разработал, причем достаточно детализировано, идею непрерывного образования как образования, проходящего через всю жизнь человека [4. С.461-498]. У нас же в 1970-е гг. с большим успехом, как доказательство подлинного творчества, защищались докторские и кандидатские диссертации, посвящённые непрерывному образованию, причем, разумеется, без ссылок на Манхейма. И это касалось как социологии и философии, так педагогики и образования.

Примеры такого рода можно бесконечно множить, доказывая тем самым, что, во-первых, мы плохо знаем историю своей науки, во-вторых, даже «не заглядываем» в смежные отрасли знания (например, педагоги – в социологию), в-третьих, зачастую просто занимаемся плагиатом (не догадываясь об этом). Отсюда следует несколько выводов.

- 1.Необходимо изучение и знание не только истории социологической науки в целом, но и истории разработки ее конкретных проблем.
- 2.В ходе выполнения курсовых и выпускных квалификационных работ нужно требовать от студентов обязательной разработки и написания

соответствующего историко-социологического раздела по теме исследования.

3. Столь же важным следует считать обращение к смежным с социологией отраслям знания. Такое обращение является хорошей предпосылкой перехода от предметного к междисциплинарному и, стало быть, проблемному исследованию, в чем социологическая наука явно нуждается и где содержится один из важных ресурсов ее развития.

Следующий вопрос: как изучать историю социологию? По нашему мнению, только на основании чтения первоисточников. Сегодня они широко представляют все основные социологические метапарадигмы, парадигмы и теории. Как бы хороши ни были отдельные учебники по истории социологии, они ни в коей мере не могут заменить чтения первоисточников. Благо, что сегодня есть переводы на русский язык сочинений (или фрагментов из них) практически всех крупных зарубежных социологов XIX-XXI вв. Здесь можно провести параллель с изучением истории философии, где требуется обязательное прочтение работ всех ее крупных представителей, начиная с античности. В истории социологии объем материала намного меньше, тем более необходимо его изучение.

Вообще же в социологии ситуация особенная: реально история социологии и есть сама социологическая наука, поскольку знание первой предполагает, так или иначе, наличие представления о том, что такое собственно социология. Более того, в социологической науке есть точка зрения (она принадлежит Э.Гидденсу), согласно которой современная социология восходит к началу XIX века и охватывает тем самым эпоху капитализма. В связи с нашей постановкой вопроса о соотношении истории социологии и социологической науки в целом это значит, что история социологии есть лишь определенный срез социологической науки в целом, совпадающий с ней хронологически, но отличающийся постановкой, характером и способом рассмотрения проблем.

Наконец, вопрос о том, кому и для чего нужна история социологии. В силу своей очевидности ответ на него может быть достаточно лаконичным. Любой социолог в силу своей принадлежности к группе интеллектуальных слоев общества и, следовательно, по определению должен быть, как минимум, культурным человеком, что предполагает знание как истории в целом, так и истории своей науки. Тем более, что речь идет о такой науке, история которой чрезвычайно близка к истории общества. Что дает это знание? То же, что дает владение определенным капиталом и ресурсом. Историко-социологическое знание, если оно имеется у социолога, выступает его интеллектуальным и культурным капиталом и таким же ресурсом. А дальше все зависит оттого, как субъект этого знания сумеет им распорядиться, превратить в другие виды капитала и ресурсов.

Литература

1. Whitehead A.N. The Organization of Thought, Educational and Scientific. L.: Williams and Norgate, 1917.
2. Parker D. Why Bother with Durkheim? Teaching Sociology in the 1990s //The Sociological Review. 1997. Vol.45. №1.
3. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Мартис, 1995.
4. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

Зерчанинова Т.Е.,
г. Екатеринбург

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНОГО АУДИТА МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

По отношению к государственному и муниципальному управлению мы рассматриваем социальный аудит как вид социоинженерной деятельности, включающий социальную диагностику состояния социальной системы,